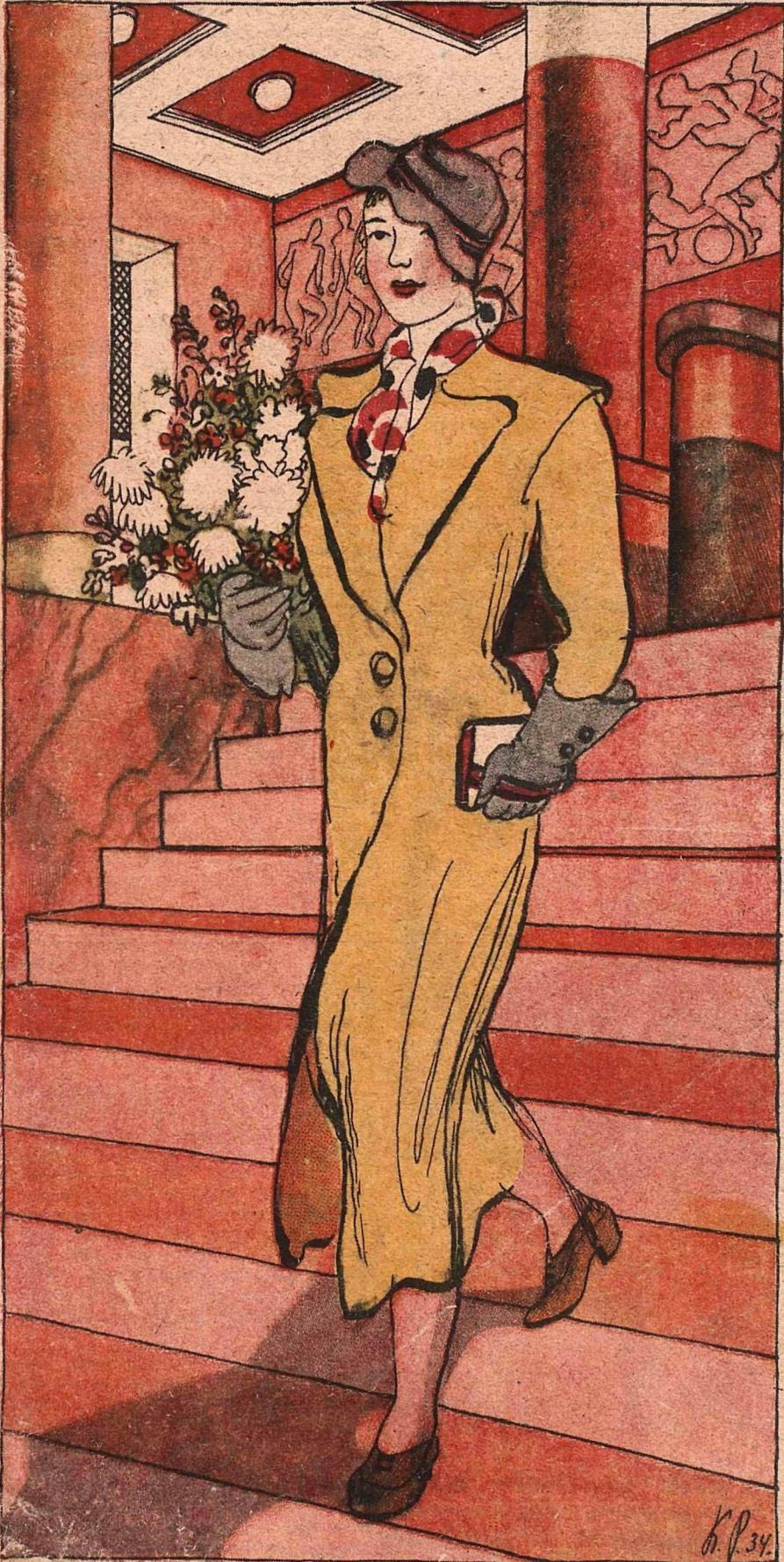

КРОКОДИЛ

№ 25 Москва, сентябрь

Издание газеты „Правда“ 1934

Рис. К. Ротова

Кто эта красивая москвичка, которая будет через полгода спускаться в станцию метро?

— Это та же, которая сегодня спускается в ее шахты.

Для обывателей различных стран у фашистов имеется один неотразимый довод: итальянские поезда.

— Вот видите, до фашизма все поезда в Италии опаздывали, а теперь они приходят минута в минуту...

Даже в фильме, который сделан для пропаганды итальянского фашизма, мировые проблемы сводятся главным образом к вопросу о поездах.

Я не мало ездил по дофашистской Италии, и я могу подтвердить, что поезда тогда изрядно опаздывали. Жизнь была в то время ленивой и беспечной. На станции люди толпились, плевались, шутили. Потом начальник станции отчаянно кричал:

— Пронто!

Это означало: готово! Но поезд все же не двинулся.

Теперь никто на станциях не толпится, не плюется, не шутит. Фашистские милиционеры недоверчиво оглядывают пассажиров. Начальник станции стоит, вытянувшись в струнку, как прусский фельдфебель. А поезд?..

О, я отнюдь не придаю такого значения железнодорожному расписанию, как фашистские агитаторы! Притом я был в Италии всего два дня. Однако я должен отметить, что и дважды в течение этих двух дней особо-скорые, курьерские, «молия», — словом, поезда, требующие особой оплаты, — не «рапидо», но «рапидиссимо», — опаздывали толь в толь, как жалкие демократические поезда дофашистской эпохи.

Когда я приехал в Венецию, вокзальный перрон был устан ковриком в честь высокого гостя: судьба захотела, чтобы я столкнулся с одной из «жемчужин Европы», а именно с г. Дольфусом. Покойный канцлер Австрии, разгромив пушками рабочие дома, отправлялся в Италию, чтобы представить рапорт своему начальству. Начальство милостиво выслушало великого канцлера и даже устроило в его честь парадный обед.

Увидев развалины древнего Рима, австрийский карлик почувствовал в своей груди античные добродетели. Он приветствовал своего нового хозяина благородным жестом легионера, который только что покорил мятежную провинцию. Карлику было необходимо отдохнуть душой от государственных забот: он решил с'ездить в Помпею.

Кто знает, почему ему вздумалось отдыхать душой именно в Помпее? Может быть, этот христианин и образцовый семьянин пожелал посмотреть на фривольные фрески, а может быть, зрелище разгромленного его лабудами Флоридсдорфа пробудило в нем вкус к мертвым городам? Так или иначе, он соединил приятное с полезным. Он любовался помпейской живописью и он подписывал договоры. Заботливость итальянцев не знала предела, и, чтобы ножки карлика не коснулись вульгарного асфальта, они не пожалели даже протертого коврика.

Помимо г. Дольфуса в Венеции я застал несметное количество немцев абсолютно арийского происхождения. Молодожены из Потсдама сначала снялись с классическими голубями, потом, увидев черную рубашку, благоговейно замерли, при чем самец поднял руку вверх, а самка даже прослезилась. Последователи бога Ватана кутили в роскошных ресторанах, покрививали на итальянскую прислугу и, развалившись в гондолах, читали «Фелькишер беобахтер».

Поучительно проследить результаты фашистского строя или, как говорит Бабель, выяснить, «зачем бабы трудятся». Правда, я не увидел ни осушенных болот, ни стеклянных цилиндров академика Маринетти. Зато мне привелось ознакомиться с одним из крупнейших достижений фашизма: я увидел мост для автомобилей, соединяющий Венецию с континентом. До начала фашистской эры имелся всего один мост — железнодорожный. Автомобили тогда оставались в гараже на континенте. Теперь автомобили гордо доезжают до вокзала. Там для них выстроен большой гараж. Мост построен. Остается

гадать—стоило ли его строить: в автомобиле по Венеции все равно нельзя передвигаться. Впрочем, я не хочу моей низменной критикой осквернять некоторые бесспорные святини.

По площади Святого Марка ходит человек с ящиком. Стоит какому-нибудь арийцу из Нюрнберга бросить наземь окуроч, как человек подбегает и аккуратно засовывает окуроч в ящик. Что касается рабочих окраин, то там все те же грязь и нищета. Каналы обдувают приезжего зловонием, напоминая, что есть на свете красота, тесно связанная с разложением. Прелесть венецианских каналов, тысячи новелл и тысячи открыток, копии Лонги и вздохи влюбленных, — все это вряд ли мыслимо без той отвратительной вони, которая приближает самый прекрасный город мира к вульгарным сточным канавам.

В воскресенье утром я присутствовал при изъятии народных восторгов. Происходило это так: по всему городу были расклеены афиши. Жителям Венеции горячо рекомендовалось явиться на площадь Святого Марка для заслушивания речи «дуче». В назначенный час пришли три отряда фашистской молодежи. Юные чернорубашечники выстроились по-военному и начали слушать. Слушали они тоже по-военному: их лица при этом были настолько бессмысленны, что немецкие туристы должны были преисполниться умиления.

Кроме юных фашистов в форме пришли также любопытные в пиджаках. Они шопотом разговаривали о своих делах, о ценах на прованское масло, о приезде американских туристов и о том, что какой-то синьор Джузеппо застрелился, не выплатив долгов. На площади сидели различные иностранцы, среди которых наверное было не мало нахальных франко-масонов. Иностранцы преспокойно пили кофе.

СКРОМНОСТЬ НА ТРИБУНЕ

Рис. К. Ротова

СЕЛЬВИНСКИЙ: — Моих, впрочем, много есть героев. Это у Пушкина всего-навсего один героико, какой-то там Евгений Онегин. А у меня — герои, герои, герои... Можете представить себе, — тридцать пять тысяч одних героев. Каково?..

Мне стало обидно за оратора: я по опыту знаю, как неприятно читать восторженные стихи среди всеобщего равнодушия. Даже тучные голуби никак не реагировали на рык громкоговорителя. Они решили, что речь быстро кончится и что улетать под крышу не стоит: скоро иностранцы будут снова выдавать зерно. Задыхаясь от жира, голуби переваливались, как утки, между ногами юных фашистов. По словам верующих итальянцев, эти голуби символизируют святого духа.

Недавно в Италии были устроены празднества по поводу чрезвычайно актуального события: фашисты вспомнили, что Юлий Цезарь перешел речушку, именовавшуюся когда-то Рубиконом. Мы, грешные, думали, что это — скучный урок латыни, а это оказалось интимным воспоминанием живого народа. Остальное понятно: после Юлия Цезаря появляется юный футболист в черной рубашке, который ничего в жизни не читал, кроме отчетов о матчах и одиннадцати заповедей фашистского милиционера. На старой стене, которая еще помнит и пышность дождей и шутки Гольдони, этот неистовый Митрофанушка спешит написать мелом свою фашистскую сентенцию.

В витринах магазинов выставлены черные рубашки. Для фашистов побогаче, у которых изысканный вкус и чувствительная кожа, эти рубашки сделаны из тончайшего шелка. Даже в выборе материала на форменные рубашки мудрые фашисты соблюдают иерархию.

В глазах итальянцев 1934 года чувствуется благородная пресыщенность древних патрициев: всем все надоело. Гордый жест легионеров превратился в мелкую взятку. Я заметил, что подымают руку люди, собирающиеся совершить какой-нибудь не вполне законный поступок, например, войти в почту, когда почта уже закрыта, или прощмыгнуть на перрон без перронного билета.

Владелец крупной книготорговли в Милане рассказал мне, что итальянцы постепенно перестают читать. Имеются, впрочем, некоторые фанатики, которые продолжают проявлять подозрительный интерес к печатному слову, но эти несчастные покупают исключительно переводы иностранных авторов. Свою фашистскую литературу итальянцы читают на стенах.

Когда я приехал в Милан, весь город был залеплен огромными афишами — этак метра в два. Каждая афиша представляла отзыв о «дуче», взятый из какой-нибудь иностранной газеты. Например: «Дуче» — воплощение античной добродетели и римской храбрости, упорства и благородства.

Помимо афиш с цитатами из иностранной прессы, на стенах Милана имеются и другие афиши. Знаменитый «Пассаж» покрыт большими афишами, на которых значится всего одно слово «Дуче!» Четыре буквы и восклицательный знак. Шесть раз одно и то же на каждой афише. Десять афиш одна под другой: «Дуче! Дуче! Дуче! Дуче! Дуче! Дуче!» Ну и так далее. Особенного разнообразия в этом нет, зато, как говорят, хорошо запоминается.

Сам «дуче» вполне своевременно сообщил одному парижскому журналисту, что итальянский народ лишен чувства иронии. Я сомневался, чтобы «дуче» был прав по отношению к своему народу. Можно напомнить ему имена Бокаччо и Аретино, Гоцци и Гольдони. Можно также привести в пример далеко не безобидные шутки рыбаков Неаполя или Венеции. Но слов нет, имеются и среди итальянцев люди, явно лишенные чувства иронии.

Зато в пафосе нет недостатка. Солидная газета «Корьере де ля серра» изъясняется чрезвычайно восторженно: «Гола рычала, выражая свой беспредельный энтузиазм перед новыми высотами того, что мы вправе назвать фашистской цивилизацией».

Остается добавить, что это — описание того воскресного утра, когда венецианские голуби астматически сопели на площади Святого Марка.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

АРИЙСКАЯ БИБЛИЯ

Фельетон Арк. БУХОВА

Иллюстрации Ю. ГАНФА

Судя по многочисленным газетным заметкам, еще до сих пор в Германии никак не могут написать настоящую арийскую Библию для подрастающего поколения. Раздосадованные таким творческим бессилием, мы предлагаем свои послышные услуги и в качестве образца приводим здесь несколько вариантов подлинной арийской Библии как для средних учебных заведений германского юга, так и для религиозно-бытовых нужд германского севера.

Первым активным арийцем был Адам. До него тоже были кое-какие попытки организовать в летучие отряды со стороны одиннадцати обезьян из райского сада, но, за отсутствием агитационной литературы вообще, евреев и денег в частности, попытки заглохли.

Адам предложил бегу переменить религию и записаться хотя бы на нестроевую должность но этот хитрый и старый семит подсунул доверчивому арийцу свою родственницу Еву, которая сразу воспользовалась удобным случаем и родила двух неарийцев — Каина и Авеля.

Население явно увеличивалось и требовало твердой власти. Счастливый случай в райском саду помог Адаму. Каин убил Авеля и тем самым положил начало арийской конституции. Испугавшись новых гражданских законов, грозивших его недвижимости, бог, явно акцентируя, заявил:

— Плодитесь и размножайтесь, но только подальше от моего сада. Мне это перестало нравиться, чтоб я так жил!

И выгнал Адама с Евой и с Каином, кинув им вслед змею и три яблока.

Так впервые семиты оплатили благодарному арийцу за доставленное удовольствие.

В это время местные марксисты организовали всемирный потоп. На меньший масштаб они не соглашались, чтобы окончательно испортить Адаму жизнь. Как тактичный ариец, заботящийся о семье и потомстве, Адам не

хотел погибнуть в дождевой воде, но грубый славянин Ной, араратовладелец и ковчегводитель второго ранга, не взял его с собой.

— Местов нет! — сурово сказал он и отчалил.

В это время с ковчега раздавался сочувствующий рев и хлопанье ушами

какого-то пассажира из жестких кают для нечистых. Адам понял, что идея чистого ариества уже имеет последователей и спокойно вымер под смех Иафета, измерявшего глубину дождевых осадков.

Так евреи, славяне и будущие негры погубили носителя ариества, но идея его уже пылала в глубь библейской истории и отмахивалась хвостом от мух.

Спустя немного времени после этого, арийский дух проснулся в Иосифе Прекрасном, которого никак не мог-

ла приручить популярная в библейских кругах семитка Пентефрия. Несмотря на царский сан, она бегала за ним, как кошка, но Иосиф был принципиальный ариец: он заранее увидел во сне ту самую лестницу, с которой его обещал спустить муж Пентефрии, проснулся и стал доказывать, что он не Иосиф, Пентефрия — не Пентефрия и даже лестница — не лестница. Несколько позже, уже за пределами Библии, этот способ арийского доказательства был применен в процессе о поджоге рейхстага.

Одновременно с Иосифом на территории Библии жили и работали два других крупных арийца — Самсон и Соломон. И у того и у другого были свои запутанные истории с еврейскими женами, мешавшими дальнейшей карьере, но все окончилось благополучно. Остриженный и тем самым освобожденный от лишнего насекомых, Самсон в слепом состоянии стал с чисто арийской последовательностью разрушать капитальные строения. Впоследствии этот прием пригодился более поздним арийцам в Европе при разрешении классовых неурядиц с помощью артиллерии.

Что касается Соломона, то даже соседство Суламифи не повлияло на его арийскую мудрость. Кровь его оставалась чистой, как нарзан. Когда две местные библейские мамы поспорили из-за ребенка, арийская сообразительность сразу подсказала Соломону, что ребенка надо тяпнуть саблей. Этот остроумный приемчик нередко применяется современными арийцами даже к взрослым немедленно после ареста, из чего следует, что арийская государственная мудрость и раньше уже имела известные прецеденты.

Было бы опрометчиво пропустить еще целый ряд фактов: переход евреев на советские деньги через Черное море, случай с отказом Иакова

„П О Л И Б Ы Т“

Комсомолец Павел Хмурый,
Худ, не чесан и не брит,
Год работал над брошюрой
Под заглавьем «Пол и быт».

На Лассале делал ссылки,
Взял у Варги мыслей ряд.
Многочисленны и пылки
Были вихри из цитат.

Отмечая каждый промах,
Он писал, твердя зады,
О ненужности «черемух»
И любовной ерунды.

Вдохновенья мчались струи.
В боевых атаках крут,
Он писал, что «поделуи —
Буржуазный атрибут»,

Что не лирикою тонкой
Полон наших будней шаг,
Что «мечтать вдвоем с дев-
чонкой
Может только скрытый враг».

Дни и ночи для брошюры
За листом готовил лист...
Был в ячейке Павел Хмурый
Самый первый активист.

Факт — упрямейшая сила...
За одной из нужных книг
Как-то к Хмурому явилась
Комсомолка Валя Брик.

Кудри буйной юной стайкой
Облегал ямки щек,

Под веселой алой майкой
Бушевал весенний ток.

В синих взглядах, дерзко кроясь,
Пели реки и луга...
Ну, не девушка, а происк
Обнаглевшего врага.

Побледнев, вне всяких правил,
Задрожав до пальцев ног,
Нужной книги Хмурый Павел
Отыскать никак не мог.

Рвал обложки, мял страницы,
Был в словах, как прежде, скуп.
Валя шурила ресницы
На Павлушкин взмокший чуб.

Отглядела пол немытый,
Грязь, окурки, общий вид
И спросила с грустью скрытой
— Это что же... пол и быт?..

Ты сидишь в норе, как суслик...
(Грусть глядеть со стороны)
И не слышишь звонких гуслей
План закончившей весны.

Плел паук на рамах окон
Удивительный узор,
Посмотрев на Валин локон,
Опустил Павлушка взор.

Мрачно сунул нос в газету
И сгустил свирепый бас:
— Ничего такого нету.
Не до гуслей нам сейчас...

Не мешай мне, если можешь.
Перегружен я вполне.
Настоящей молодежи
Интереса нет в весне...

Шумно сев на том Лассале,
Не сдержав волненья дрожь,
Раз'ясняла Павлу Валя,
Что такое молодежь,

Чем сильны и властны звуки
И дыхание весны,
Что такое сердца стуки,
Шелест лип и блеск луны.

Розовели в гневе ушки.
Набегал за мигом миг...
В этот вечер у Павлушки
Задержалась Валя Брик...

За стеклом блестящих окон
Цвел миндаль, лишая сил...
Стал для Павла Валин локон
Убедителен и мил.

Шелестел он робкой мышкой,
Вился солнечным кольцом...
Валя Брик ушла без книжки,
Но с пылающим лицом.

А на утро Павел Хмурый,
Молчалив и деловит,
Сжег на примусе брошюру
Под заглавьем «Пол и быт».

ЮРИЙ ФИДЛЕР

КУЛЬТУРНАЯ МЕРА

Начальник вокзала позвал своих помощников и сказал:

— Поступают жалобы на беспорядок при посадке, надо принять экстренные меры. У нас там справа есть навес, где электричка останавливается, так сделать в нем отгородку с калиткой, поставить скамьи, и пусть пассажиры сидят там до прихода поезда, чтобы не шлялись по платформе.

— А там с другой стороны есть проход, что ж весь вокзал забором обгородить?

— Там канат можно протянуть, чтобы кольцом на крюк надевался.

Под выходной день у прохода, где проверяют билеты, человек с красной повязкой на руке хватал вбегавших на перрон и молча направлял их под навес.

— Чтой-то? Куда?..

— Туда идите и, покамест поезд не придет, сидите там.

— А выходить как же?

— Выход через калитку... Куда опять полезли?!

Рябая от оспы женщина с матрацем, перевязанным накрест веревкой, который она тащила на плече, шмыгнула мимо человека с повязкой и только было нагнулась, чтобы юркнуть под канат на платформу, как другой человек с такой же повязкой поймал ее за хвост полусубка и выволок из-под каната.

— Не лезь, куда не показано!

Женщина с испугу выпустила матрац из рук, и он через голову ей шлепнулся в лужу.

— Вон куда, в загородку иди, куда все идут!

Женщина с матрацем бросилась туда, взвалив матрац на плечо. Под навес валила уже целая толпа.

— Проходите наперед, чего стали! — кричали задние.

— Не набивайтесь сюда! — кричали передние.

Прижатые толпой они, сгрудившись, стояли перед запертой калиткой, за которой ходил третий человек с повязкой на рукаве, в то время как его товарищ, утирая с лица пот, все ловил за рукава и полы делавших попытку нырнуть под канат и отправлял их за загородку.

— Работай, работай, Копытников! — кричал по временам начальник вокзала, стоя в стороне и подозрительно провожая глазами каждого вбегавшего на платформу.

— Что же это делается? Что вы Ходынку устраиваете! — кричали из-под навеса. — А калитку какую устроили! Ироды! Туда по одному человеку только проходить!..

— Затем и сделана, чтобы не лезли стадом, а проходили по одному человеку, — сказал недовольно из-за калитки человек с повязкой, ходивший по бесконечному простору пустой платформы.

— Голубчики, что ж это делается, живым не выйти! — кричали в разных местах бабьи голоса.

Вдруг спокойно плававший над толпой матрац сделал какое-то судорожное движение, бросился вперед, потом откатнулся назад. Послышался бабьин крик:

— Батюшки, выпустите, не на ту платформу попала!..

— Хватилась!.. Куда ж тебя тут выпустить, тут рук не выпросташь. Вот леший залезла.

Ходивший на просторе за калиткой человек с повязкой, точно дежурный у шлюза при спуске воды во время паводка, поглядывая то на пути, то на начальника вокзала, ожидая его сигнала для открытия калитки.

— Идет! — крикнуло несколько голосов.

— Открывай! — неистово заревели голоса из-под навеса, где, точно куры в плетушке, барахтались люди.

Половинки калитки, раскрывшись, хлопнули о стенки, и толпа с еще более усилившимися криками и воплями хлынула в узкий проход.

— По одному проходите! — кричал в отчаянии человек с повязкой, едва успев отскочить с дороги.

— Господи! Мать пресвятая! — вскрикивала какая-то старушка, которую все вертело на одном месте. — Руку, руку отдайте!

А матрац рябой женщины, точно льдина, попавшая на быстрину, вместе с поднятыми над головами корзинами, узлами быстро неся над толпой к калитке, при чем женщина повертывалась то лицом назад, то боком и кричала, как кричит человек, которого затягивает в машину.

Непопавшие в загородку бросились целой толпой в обход через канат и уволокли за собой человека с повязкой, который, не выпуская из рук конца каната, с раздувающимися полами летел, как на коньках, по доскам платформы.

— Копытников, держи их! — кричал начальник, как кричит командир при прорыве неприятелем фронта.

Вдруг, точно снаряд из тяжелого орудия, вылетел матрац из калитки, понесся на головах по платформе и шлепнулся под ноги начальнику.

— Эй, чей матрац, чей матрац?

— Ее туда, знать, уволокло, — крикнул кто-то набегу.

А впереди точно брали приступом неприятельские траншеи, и среди свалки раздавались пыхтение, крики и визг прищемленных женщин.

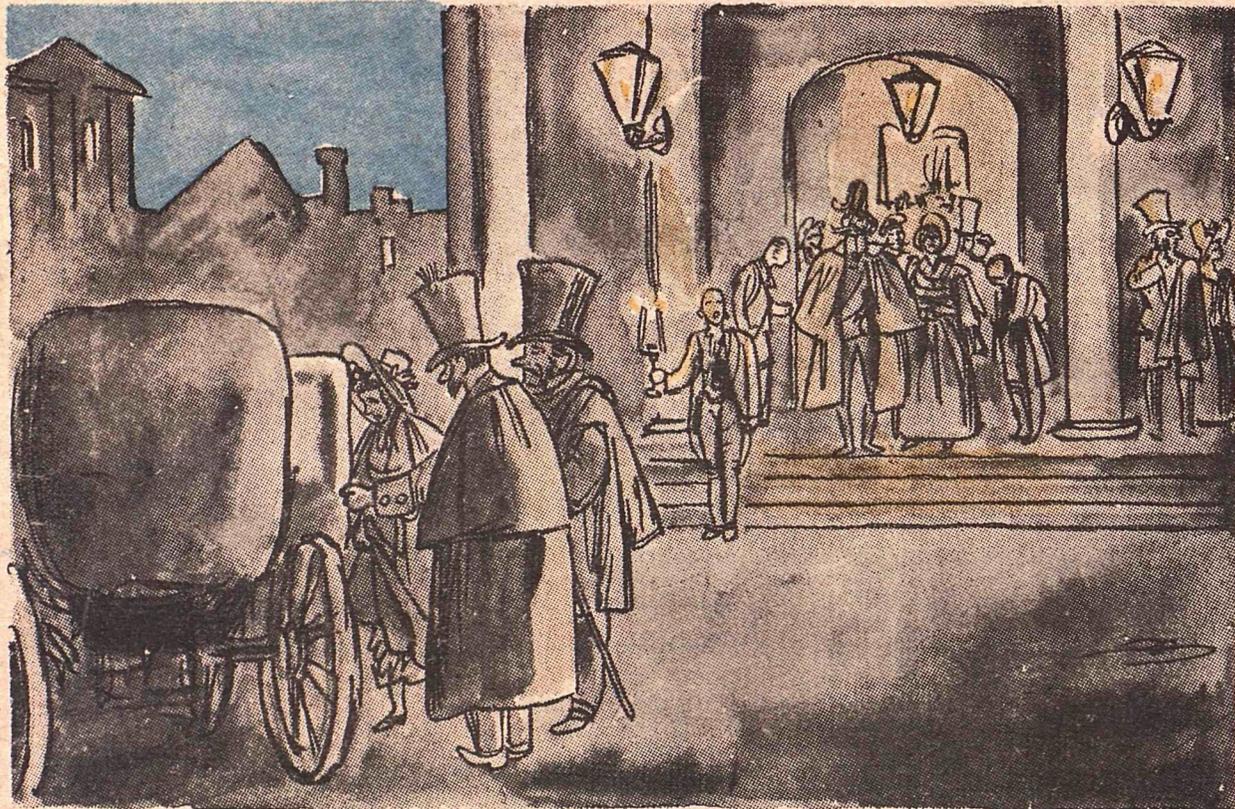
— Копытников, за мной! — крикнул начальник, и все четверо бросились туда с таким видом, с каким бегут на пожар. Их сейчас же засосало в толпу и понесло в вагоны.

— Копытников, куда ж ты в вагон полез?! — кричал начальник своему помощнику, который, повертываясь в дверях то лицом то затылком, исчез в глубине площадки.

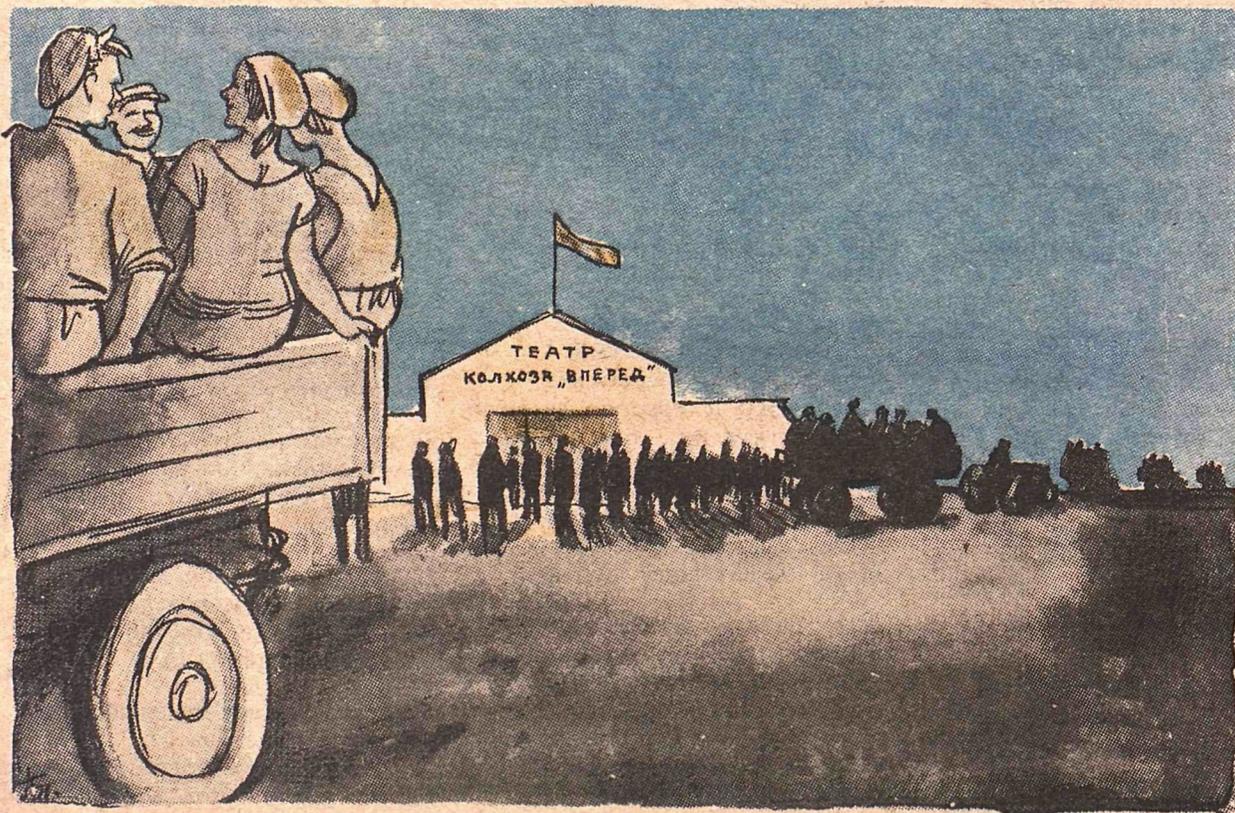
— Ну и народ! — говорил он через несколько минут, весь потный выбравшись из вагона и подходя к начальнику. — Тут бы колючей проволокой загородить, тогда б они помирнее были, а так нешто их удерживш.

ДВА РАЗ'ЕЗДА

Рис. Л. Генча

Театральный раз'езд 1834 года.

Театральный раз'езд 1934 года.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ

ПРЕВРАЩЕНИЕ МОТЫЛЬКОВА

Герои, я обращаюсь не к вам.
Вам девушки пишут вечерней порою,
Розы падают к вашим ногам,
Но я не к вам обращаюсь, герои.
Герои, вы в небе ловили зарю,
Но, все обсудив и обдумав толково,
Я самое нежное слово дарю
Не вам,
а Василию Мотылькову.
В Париже не знают его трудов.
В Риме его популярность шатка,
Короче —
из всех мировых городов
О нем рассуждала
одна Пятихатка.
Но если мы вникнем в эту молву,
Узнаем, горе вздымая длани,
Что Вася не был подобен льву,
По складу души приближаясь к лани.
Что в ужасы моря он не был влюблен,
Предпочитая стихии потише,
Что падал без парашюта он,
Не с неба,
а чуточку ниже —
с крыши;
Что он не мечтал долететь до луны,
Что был героизму подвержен едва ли,
Что храбрые девушки нашей страны
На это с презреньем ему намекали;
Что был нерешителен, как середняк.
Что не был последним и первым не был.
И вот я встретил его на-днях
На втором километре неба.
Мне очень хотелось оттуда слезть,
Летчик чувствовал, — я тоскую,
Меня воздушная грызла болезнь, —
Увы! — похожая на морскую.
Я уже чувствовал, — я не Икар,
Но вдруг я обрел и улыбку и слово,
Но вдруг я заметил в сырых облаках
Грозное личико Мотылькова.
Он правил машиною,
—я не вру! —
Он с ветром и бурей расправился твердо.
Он отдал второму пилоту руль,
На мирозданье он глянул гордо.
И тут наступил чрезвычайный миг:
Наскучив торчать в облаках и тумане,
Вася решительно прыгнул в мир,
Как в бассейн Сандуновской бани.
Небо пролило звезды слез,
Длительная проползла минута,
Над рыжим шелком его волос
Вспыхнул оранжевый шелк парашюта.
Вспыхнул —
и в облаке скрылся, в дыму.
Вася качается влево и вправо,
И снизу присматриваются к нему

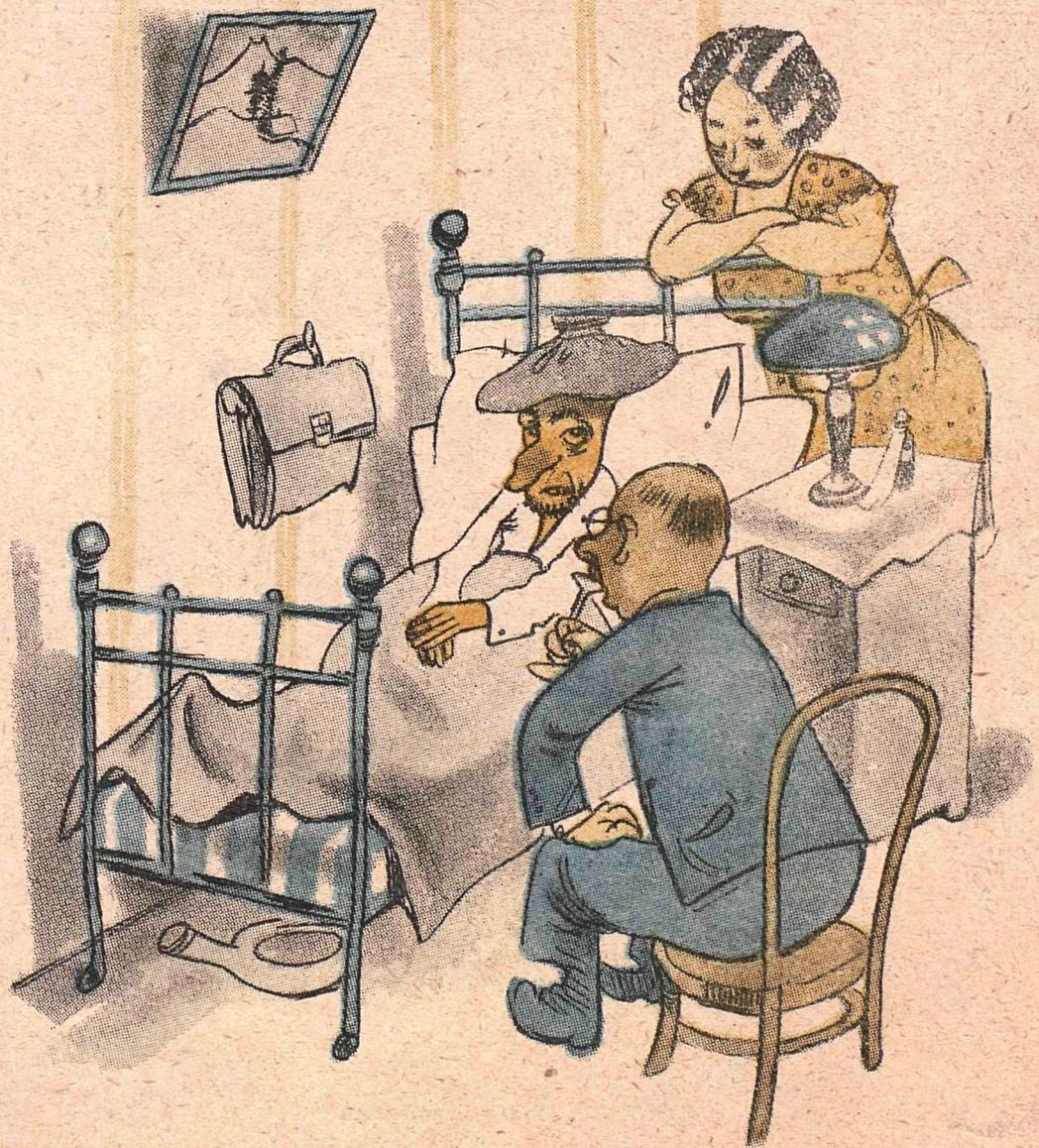
Девушки, корреспонденты и слава.
Смягчив улыбкой свой взгляд роковой,
Иные полковники и лейтенанты
Уже умножают отвагу его
На радиус действия наших АНТ'ов.
А я улыбаюсь.
Внизу — заря
Взамен херувимов, которых нету,
По небу вечернему слесаря
Скользят из безбрежности на планету.
Юноши, девушки, дяди в летах,
Шлем одевая, идут к самолетам,
Не только рожденные летать,
Но и обученные полетам.
А Вася вздымается до облаков
И вниз упадет,
висит над домами,
И звезды в небе кричат:

«Мотыльков
Меняет фамилию на
Каманин!»
И если вы спросите:
Кто ж подымал
Его до звездного млечного дыма?
Так я вам скажу —
командир Эйдеман
И я
как член Осоавиахима.
И вы, герои, ваш путь боевой,
О вас он вечерней мечтал порою,
Вы силой и волей снабдили его,
Вы бросили в синее небо его.
И я,
я к вам обращаюсь, герои!

ВИКТОР ГУСЕВ

НЕИЗЛЕЧИМЫЙ

Рис. М. Храпковского

— Ну-с, расскажите, на что жалуетесь?
— Прежде всего, я хотел бы установить регламент. Могу уложиться только в полчаса, а если излагать историю моей болезни, то я потребую от вас не менее часа...

ТВЕРДЫЙ ХАРАКТЕР

Вышло так, что из всех наблюдений и впечатлений о жизни, какие выпали на его долю, он сделал вывод такой: надо быть сволочью. Иначе нельзя. Добрый человек, это — глупый человек. Мягкий человек, это — идиот. Никто таких не уважает, не считается и не боится таких. Но как стать таким человеком, чтобы тебя боялись, чтобы с тобой считались? Как? Ясно: надо совершенно измениться. Пусть считают сволочью. Это лучше, чем когда машут рукой и говорят:

— Ну, у этого получить — одна минута. Эта инстанция ерундовая!

Он твердо решил: надо положить этому конец. С особым чувством он оделся и пошел в учреждение, на свою службу.

В учреждении его встретила посетительница. Она, волнуясь, ждала его. Она просила о помощи.

— Извинюсь, — сказал он ей, — я с вами сейчас не могу говорить. У меня срочное дело.

(Вот начнем. Очень хорошо. «Не могу сейчас говорить»... Вот... И все. И ничего не происходит. Она и ушла. Если твердо сказать...)

Секретарь дал ему проект, переписанный на машинке.

— Не то, — сказал он, быстро пробежав первые строки, — сплошная ерунда!

(Здорово! «Сплошная ерунда». Очень хорошо: «сплошная». Надо будет запомнить.)

Секретарь повернулся, чтобы уйти. Хотел что-то сказать, но он предупредил его.

— Поменьше возражений, товарищ. Надо дело делать, а не возражать.

(И это здорово! У секретаря нос побелел. Оказывается, не так трудно показывать власть...)

Через полчаса пришел требовать деньги старый человек с ордером. Просил скрепить ордер подписью.

Спросил медленно, холодно:

— Из какого расчета?

(Очень, очень хорошо. И солидно и серьезно.)

— Вот тут ведомость, приложение, основание...

— Мне не ясно. Зайдите завтра.

И вдруг началась легкая жизнь. Он стал говорить:

— Подождите, дорогой гражданин, нельзя так сразу. Повремените.

— Посидите.

— Мне не ясно.

— Не в этом дело.

— Тем более.

(«Тем более» — особенно хорошо. Годится во всех случаях. Например: «Вы высказывались против?» — «Нет, я не высказывался»... «Тем более».)

Затем — урезки. Обязательно урезки. Если кому-либо причиталось, скажем, триста рублей, он выписывал двести. Почему? Для чего? Для того,

чтобы было трудно с ним, чтобы никто не мог подумать, что у него может что-либо легко пройти. Раз легко, значит уважать не будут. Пусть говорят глаза: «сволочь». Пожалуйста. Но жить будет легче. Тряпкой не будут считать.

С чужими наладилось. Гораздо труднее со своими.

— Митька! Подмахни эту бумаженцию!

— Ммм... Одну минуточку.

— Что одну минуточку. Где ты научился: «одну минуточку»? Меня ждут, не задерживай...

— Видишь ли, я по... подумаю. Тут не совсем ясно... Понимаешь?

— В чем дело? Тут же все ясно, как апельсин.

— Тем более.

— Я запиской твоей, может быть, и не воспользуюсь, так просто, для проформы.

— Не в этом дело.

— Одним словом, не хочешь подписать?

— Не в этом дело.

(Ура! Не подписал! Не подписал!)

Приятель ругался, долго ругался, обидно. Пусть. В следующий раз не придет и другим не посоветует. А уважать будут. Обязательно будут.

Затем надо что-то менять во внешности. Надо смотреть немного насусленно, холодно, лучше совсем не смотреть в глаза, а вниз, куда-нибудь в сторону или вверх. Потом окрики, резкий тон. Хорошо еще как будто не слышать.

— Что? Громче, пожалуйста.

Впрочем это не годится. Это старое, генеральское. Нет, в советском учреждении надо слышать, видеть, кричать нельзя, грубо говорить нельзя. Остается, значит, вот это:

— Не в этом дело.

— Тем более.

— Надо проверить.

— Из какого расчета?

— Не могу.

— Не выйдет.

— Зайдите денька через три.

(«Денька через три» — это совсем хорошо: это и ласково как-то и отдалает.)

Через две недели положение изменилось. К нему стали относиться как-то иначе. Заходили в комнату осторожнее. Курьеры и уборщицы стали явно больше уважать: Одну он уволил за то, что опоздала на десять минут.

— Разговаривать нам не о чем, гражданка...

— Товарищ заведующий... я хотела сказать...

— Все ясно, гражданка. Вы у нас работать не будете, повторю, нам разговаривать не о чем.

Иногда, по старым навыкам или просто от усталости, он сразу исполнял что-нибудь просьбу... Приходил человек, он подписывал сразу...

Но тотчас же спохватывался. Как так? Опять? Чтобы через него легко прошло?! Легко?! Нельзя, чтобы легко. Опять будут не уважать.

Звонил. Просил немедленно задержать, воспрепятствовать...

Возвращался человек уже вз'ерошенный, с увеличенными злыми глазами, уже не похожий на себя.

— Товарищ, да я же... да вы только-что...

— Ничего не могу сделать, гражданин... Ничего.

Через месяц он случайно подслушал разговор в уборной:

— Через Кузьмичева не перескочишь. Во все вникает.

— Какое там вникает, просто — сволочь!

Итак, цель достигнута... Теперь к нему будут относиться иначе. Теперь стол его действительно убрали чисто. Стекло на сукне мыли. Пепельницы не только вытряхивали, но тоже промывали, стульев на собрания из его комнаты не уносили, в его комнате совещаний в его отсутствие не устраивали. С просьбами к нему не ходили: знали, что ничего не выйдет. Билеты в театр ему давали не худшие, а лучшие.

Он округлился. Перестало мучить грызущее сознание, что его считают добрым дураком, тьюфом, ничтожеством, что с ним не считаются.

С ним здоровались более четко, уважительно, явно побаиваясь... Замечательно!

Он укрепился в своем новом поведении. Теперь он слышал иногда и такие реплики:

— У меня все в порядке. Даже через Кузьмичева прошло. Уж если Кузьмичев подписал...

И вдруг — всего через два месяца — его выгнали. Черным по белому в приказе, а потом даже в газете: «В виду бесчисленных жалоб уволить, сняв с работы Кузьмичева».

За что?

«За бездушное отношение и бюрократизм».

Он вздохнул и обиженно прошептал:

— Надо было предвидеть... Кто же знал, что сволочью быть так опасно?..

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

В кино на периферии демонстрируются картины извероятной давности

Рис. А. Топикова

— Батюшки! Да ведь эту девочку, что на экране, я играла!

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

СВЕЖАЯ ЛИТЕРАТУРКА

— Спасибо, — сказал граф, получая рану в левое легкое.
— Пожалуйста, — ответил маркиз, вытирая шпагу платком.

А. ДЮМА. „Ожерелье королевы“.

Рис сеется так. Берутся крупные зерна, складываются в сухое место, потом тщательно перебираются, потом... Впрочем мы совершенно не знаем, как сеется рис. Не наша специальность.

Другое дело — рабочком Сантохезского рисосовхоза (Приморская область). Там знают, как сеять рис, как за ним ухаживать и как собирать. И к чести рабочкома надо сказать, что, даже зная все тайны рисообработки, он все же захотел подковаться и теоретически.

Решили выписать несколько брошюр по рисовой культуре. Списались с сектором распространения издательства Академии наук, выяснили свои теоретические нужды и стали терпеливо ждать литературы, коротая трудные дни на широких рисовых полях.

В одно солнечное мягкое утро, когда глаз отдыхал на волнующихся рисовых посевах, запыленный и вспотевший почтарь положил на стол рабочкома увесистую книгу в синей папке и деловито пояснил:

— Брошюрка вам. Получайте.

Секретарь рабочкома надел очки в оловянной оправе и искоса поглядел на громадную брошюру. Величиной она была с годовой комплект краевой газеты, но сомневаться не приходилось: на бандероли был четко написан и адрес рабочкома и отправителя — сектора распространения Академии наук.

— Так, — протянул секретарь, — обсмотрим сею брошюрку...

Он тщательно разрезал бандерольку, перевернул обложку, прочел титульный лист присланной книги, отошел к окну, вздохнул, свернул самокрутку, еще раз перечитал, еще раз вздохнул, и сиротливая самокрутка распалась в похолодевших пальцах. На титульном листе было напечатано:

О П И С А Н И Е Р А С Т Ъ Н Ы Й РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

съ изъ изображеніями.

По

ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

и на иждивеніи

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

напечатано

П. С. ПЛАТОНОВЪ

съ редакціонною редакціею въ Петербургѣ

Васильевъ Зубовъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ,

печатано въ Императорской типографіи,
1786 года.

Секретарь снял очки, протер их и стал читать следующую страницу.

На ней не менее четким шрифтом, сохраняющим весь интригующий колорит екатерининской эпохи, стояло:

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Е К А Т Е Р И Н Ъ І І

ИМПЕРАТРИЦЪ И САМОДЕРЖИЦЪ

ПРОСТРАННАГО И ВЪ ЕЯ ЦАРСТВОВАНІИ НА ВЕРХЪ

ВЕЛИЧІЯ, СЛАВЫ И БЛАЖЕНСТВА ВОЗВЕДЕННАГО

РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА;

ПРЕМУДРОЙ, КРОТКОЙ И ПРЕМИАСЕРДОЙ
МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА.

книгу сію,

По Высочайшему ЕЯ повелѣнію сочиненную,

Всеподданнѣйше къ стопамъ покоряясь

Сочинилъ С. П.

«Домой бы пойти, что ли, — жалобно подумал секретарь, — нездоровится что-то сегодня. Должно на ветру продуло».

Он уже взял в руки картуз, но непреодолимая сила любопытства и сознания опасности снова потянула его к книге.

Секретарь быстро пробежал предисловие, дошел до его центрального места и окончательно впал в уныние и тревогу. Означенное место черным по белому извещало о назначении присланного сектором распространения Академии наук руководства:

Поелику сочиненіе сіе изъ Высочайшей Императорской щедроты по сѣбѣ странамъ Россійской имперіи будетъ разослано, то къ усовершенствованію его желать остается, дабы полечительныя любители наукъ, директоры экономіи, доктора, лѣкаря, частныя домостроители и старательныя помѣщики, каждый съ своей волости, или нашедшиши у простодумности, или сами что испытать съ рассужденіи пользы и употребленія того либо другаго растѣнія, для лици ли оно служитъ, или идетъ въ лѣкарство, въ крашеніе или дубеніе, или просто въ кормъ скотины и проч. благоволили присылать писменно къ сочинителю, а для большаго удовольствія и самыхъ растѣній засушить, и если можно, и слѣды сѣмянъ, приложивъ путь же переслать.

С побелевшего чела секретаря рабочкома нечитанными крупными каплями стал падать хо-

лодный пот. Он мутным взглядом посмотрел на вошедшего председателя рабочкома и пододвинул ему книгу. Тот растегнул ворот у рубахи, наклонился над книгой и через полчаса решительно спросил секретаря:

— Кто ее подкинул?

— Кого?

— Брошюрку-то?

— Известно кто, — почтарь.

— А ему кто дал?

— Известно кто, — читай...

Председатель прочел адрес Академии наук и обиженно вздохнул.

— Не в нашем районе... Нам не подчинены, — что хотят, то и делают...

С этого времени рабочком рисосовхоза уже не выписывал теоретических книг о рисовой культуре. Боязно.

И даже эту не сохранил. Лежит она у нас теперь в редакции, и недоверчивые читатели могут зайти и посмотреть, какую свеженькую техническую литературу рассылает на периферию издательство Академии наук!

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Лапкин шагал по комнате и думал о смысле жизни.

«Куда идем? — настойчиво спрашивал он себя. — Куда?»

И отвечал:

«Кто — куда, а я — в домзак...»

Полчаса назад жизнерадостный член коллегии защитников Перепелкин, весело улыбаясь, сказал Лапкину:

— Можете быть спокойны, мой дорогой. Я все выяснил и убедился, что вам, мой милый, чертовски везет. Дадут вам, мой ангел, каких-нибудь три года с изоляцией, и будете вы мне здоровы. А улыбнется счастье, и сошлют вас, мой голубь, на север. А могло быть хуже. Как видите, все складывается к лучшему, мой драгоценный...

Видно, у Лапкина тяжелый характер. Лапкин не склонен впадать в оптимизм. Особенно сегодня. Лапкин не разделяет восторгов своего защитника и склоняется к скорбным размышлениям о смысле жизни и бренности существования.

Завтра суд. Завтра он, Лапкин, будет без излишней гордости сидеть на скамье подсудимых. «Что вы скажете в свое оправдание, обвиняемый Лапкин?» Надо будет скромным, тихим и задушевным голосом рассказать свою биографию. Рос одиноко, сиротой. Мелкобуржуазная среда. Проклятый царский режим. Скверные влияния. Не было котла...

Какого котла? — недоуменно спросит председатель суда.

— Пролетарского.

Да, не было в его родном городе пролетарского котла, в котором он, Лапкин, мог бы перевариться. Отсюда и...

Многоточие. Больше ничего не надо сказать. Опустить голову и сесть. Это производит сильное впечатление...

С котлом — это удачное место. Но тут же его могут спросить, — как он получил котлы для столовой Древостроя? Что ж! Пусть спрашивают. Жизнь — это сложная штука...

Итак, завтра — суд. И судить будут Лапкина за блат. Тут и котлы, и вагоны стекла, и гвозди, и бумага, и квартиры, и свинина, и арбузы.

Эх, бывали дни веселья! Бывало сядет вот к этому столу, возьмет в руки вот этот блокнот и черкнет записочку: «Антон Силыч! Отпусти подателю сего тонны две сахара. Привет супруге. На-днях получу для твоего кооператива цикорий. Крепко жму. Лапкин»...

Все это теперь уходит, как сон, как последняя туча рассеянной бури. Три года с изоляцией... «Обвиняемый Лапкин, что вы можете добавить?» Лапкин встанет и тихо, но торжественно скажет:

— Я искренне и сердечно раскаиваюсь. Я вырос сиротой. И думаю, что теперь бодрим и крепким шагом дойду до бесклассового общества, не прибегая к блату...

Лапкин большими шагами ходит по комнате. Мысль усиленно работает. Вдруг стремительно бросается к столу, хватается блокнот и карандаш и начинает писать.

И вот вновь — прежний Лапкин. Глаза искрятся. Он полон вдохновения и энергии. Он пишет:

«Дорогой Егор Осипович! Завтра меня осудят. Кажется, на три года. Кажется, с изоляцией. Чистое недоразумение. Я докажу когда-нибудь, что я чист, как белый ягненок. У меня к тебе просьба. Ты в приятельских отношениях с Бером. Поговори с ним, чтоб меня посадили в камеру, выходящую к саду. С детства люблю природу. Крепко жму. Лапкин».

«Уважаемый тов. Синичкин! Уже переехал с дачи? Как дети? Страшно люблю детей. У меня к вам небольшая просьба. Вышло маленькое недоразумение. Возможно, меня вышлют на север. Поговорите с Ксенией Николаевной, чтоб она поговорила с Михайловым, чтоб меня направили в Вологду. Привет. Крепко жму. Звякните, что вам нужно в Вологде. Заранее благодарный Лапкин».

Лапкин просмотрел написанные им записки, и вдруг овладели им тягостные мысли.

«А что, если они все теперь плевать на меня хотят? У нас ведь это бывает: невнимание к живому человеку. А что, если я буду волноваться на суде? Разрыв сердца? Скоростипидная смерть? И на полуслове оборвется молодая жизнь?»

И Лапкин вновь пишет:

«Нина! Здравствуй! Сажу и думаю о тебе и о жизни. Какой-то древний философ сказал: «Жизнь кончается смертью». Правильно подмечено. Если я умру, ты меня скоро забудешь. Как говорит Гамлет во втором художественном театре: «...Еще сапогов не изнасила и уже...» Тяжело об этом говорить. Если я умру, — у меня к тебе просьба. Твой брат работает в похоронном бюро. Устрой, чтоб мне выдали бесплатный гроб. Напомни ему, что я для его похоронного бюро доставал весной парчу. Крепко жму. Твой до гроба Лапкин».

«Иван Капитоныч! Как живешь? У меня к тебе дельце. Не откажи, пожалуйста. Если я умру (а это может с каждым случиться, и я не хочу быть исключением), поговори с Иголкиным, чтоб меня хоронили не в Лефортове, а на Новодевичьем...»

И еще долго, долго Лапкин сидел и писал. И перо его страстью дышало...

Г. РЫКЛИН

СЛУЧАЙ С ТОЛСТЫМ

Детский журнал „Мурзилка“, желая познакомить детей с творчеством Льва Толстого, напечатал для этого сказку Алексея Толстого, сопроводив ее портретом исполняющего старца.

„Мазилку“ — маленький журнал
Для маленьких читателей —

Большой редактор составлял
В кругу больших приятелей

Редактор дал друзьям наказ —
Предупрежденье строгое:

— Мне нужен Бабеля рассказ,
Отрывочек из Гоголя!

— Ну что ж, не будем возражать, —
Ответили приятели, —

— Мы можем быстро подыскать
Указанных писателей.

Что ж, вместо Бабеля в журнал
Попал отрывок Бебеля,
А вместо Гоголя попал
Большой трактат из Гегеля.

ГЕНРИХ ПАЙНЕ.

ПОСТОЯНСТВО

Рис. Ю. Ганфа

- Каждое утро герр профессор с цветами в руках приходит к моим дверям...
- Влюблен?
- Нет, продает цветы. Он безработный.

ЗЛОЙ МАЛЬЧИК

С ним я был знаком в детстве. Тогда мы были «мальчиками с одного двора». Вероятно добрую треть моего отрочества я провел в совместных играх с ним — с Володькой Аникеевым.

У Володьки была голова несколько набок (какое-то смещение в шейных позвонках), резкий, пронзительный голос и необыкновенная запальчивость. В детских ссорах он был неумолим и драчлив. Весь двор называл его «злым мальчиком». Но особенно жесток был Володька Аникеев с животными. Собакам он привязывал на хвосты банки, которые своим гроыханием совсем дезориентировали Шариков и Бобиков. С кошками он озорничал в порядке раз навсегда установленного ритуала.

Володька, поймав кошку, немедленно подымал ее за хвост на воздух. Затем, раскручивая ее в воздухе, он причитал:

Чичер, бачер!
Приходи на драчер.
Кто на драчер не придет,
Тому хуже попадет.
Трах, бах, тарарах!
Эх, лети на всех парах!!!

Произнося слово «парах», Володька изо всех сил подбрасывал кошку кверху. Она взлетала, шпором опускалась на все четыре лапы и стремглав скрывалась в тайниках обширного нашего двора. И так бывало почти ежедневно, а то и по нескольку раз в день.

Давно уже кончилось детство, но в моей памяти Володька остался тринадцатилетним веснушчатым парнишкой с головой набекрень, причитающим над кошачьими судорогами пронзительным альтом:

Чичер, бачер!
Приходи на драчер!..

Взрослым я его не встречал.

И вдруг однажды, случайно забредя в районный парк культуры и отдыха, я услышал за спиной странно знакомый пронзительный тенорок:

— Не узнаешь старых знакомых?

Володька Аникеев! Он повзрослел и постарел как раз на то количество времени, какое мы не виделись, но в сущности остался прежним. По-прежнему голова клонилась налево, на лице поровали веснушки; пронзительный альт, не изменив тембра, чуть-чуть сгустился в тенор.

— Здорово, Володя. Что ты теперь делаешь?

— А я здесь работаю. В парке.

— В каком качестве?

— А я затейник. Провожу массовые игры. Да хочешь, — посмотри сам...

Я согласился.

На утоптанной, посыпанной песком площадке стояло человек двадцать. Они разглядывали фанерную вывесочку, гласившую: «Здесь массовые игры». Наивные посетители предполагали, что кто-то будет заниматься массовыми играми, а они будут глазеть и издеваться над неловкими.

Но вот посреди площадки появился товарищ моего детства Аникеев.

— Граждане! Приступаем к массовым играм! — проверещал он. — Прошу сделать круг пошире.

Никто не двинулся. Аникеев засучил рукава и подошел к парню в мутно-багровой майке. Парень смотрел на Аникеева с равнодушным любопытством, как на отдаленную подробность пейзажа. Нижняя губа его отвалилась, как дно экскаватора.

Аникеев схватил парня за плечи и закричал:

— Вот вы сейчас будете водить. Играем в «платочек». Правила игры такие...

Лицо у парня побагровело и мгновенно стало темнее, чем его майка. Он залепетал что-то совершенно невнятное:

— Эгм... хму... хм... гм... хрр...

Но бывший друг моего детства не обращал на это никакого внимания. Держа одной рукой парня, он бежал, стараясь поймать коротконогую девицу в берете, надетом до такой степени набекрень, что, казалось, этот головной убор держится наизусть. Парень пытался, вырывал руку, но принужден был влачиться за Аникеевым. Так своеобразный бык, натянув веревку, заставляет стелиться по земле упирающегося пастуха.

— Все играем! — кричал Аникеев. — Гоп, гоп, гоп!

Теперь уже человек восемь шарахались в разные стороны, а затейник, хватая за руки и больно ущемляя плечи, задерживал их.

— Куда? Вам еще надо три раза прыгнуть, притопнуть и прокричать: «Ку-ку, ку-ку-ку, мы покажем кулаку!» Ну, кричите!

Вырвался только один, действительно очень здоровый гражданин, по внешности кузнец или каменотес. Остальные злобно прыгали и бормотали:

— Ку-ку! Кулаку покажем! Мы! Пустите, пожалуйста, мне очень срочно...

— Что за срочно, когда идут подвижные игры... А ну, отнимите у вашей соседки носовой платок! Жив-во!

Как бабочки на огонь, приближались все новые и новые любопытные посетители парка. Поэтому Аникеев не терпел недостатка в жертвах.

Я задумался над целесообразностью этих развлечений и потому отвлекся от Аникеева. Но скоро усилившийся крик его снова дошел до моего сознания. Я посмотрел.

Аникеев, кружась сам, кружил маленькую девушку. При этом он кричал:

Ррр! Ррр! Пулемет.
Выше, выше, самолет!
Трах, бах, тарарах!
Самолет на всех парах!!

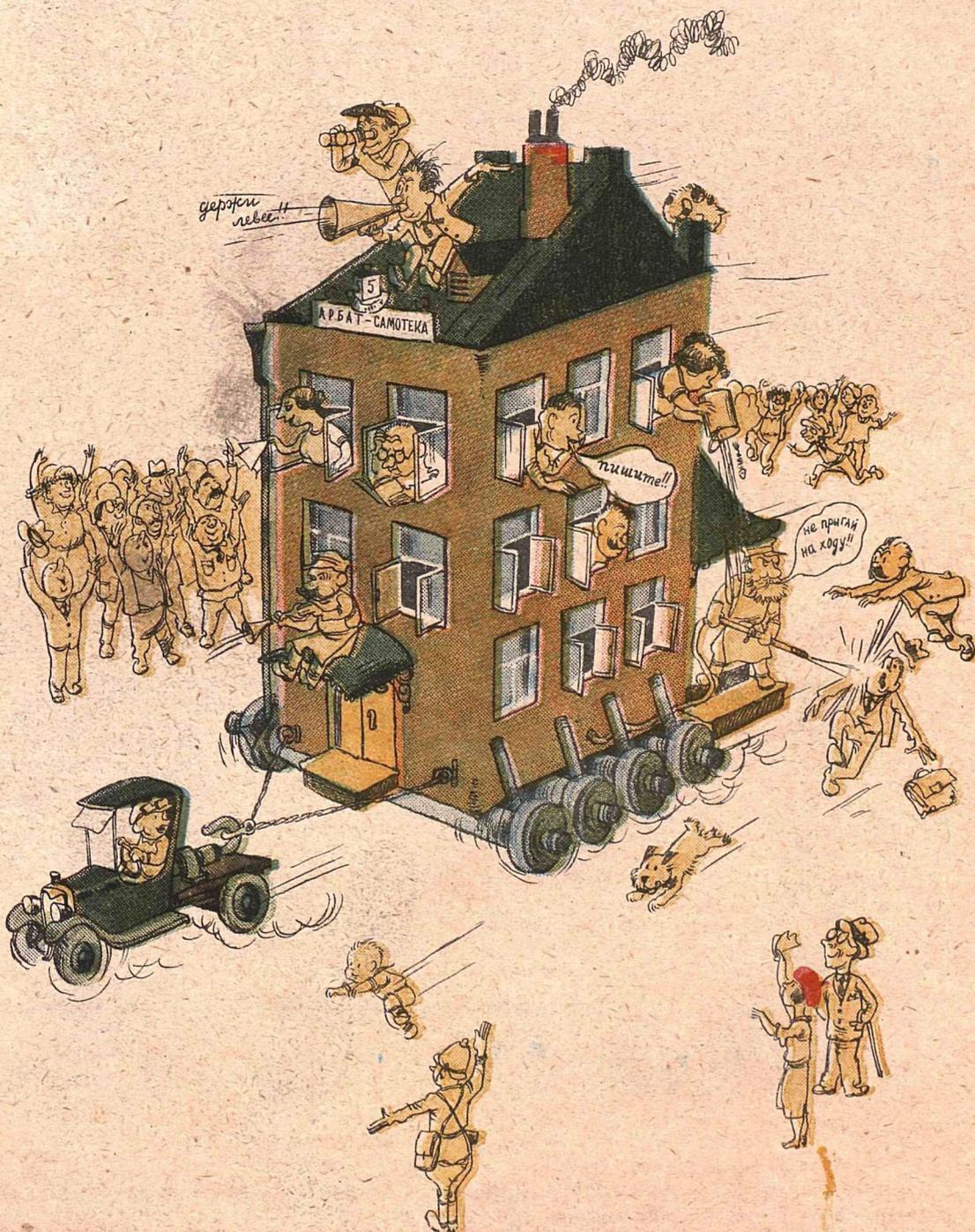
Девушка, отпущенная Аникеевым, завизжала и, кружась, упала на четвереньки.

Передо мной встало озорное детство «нашего двора», и я ясно понял, почему Володька Аникеев стал применять свои способности в качестве «затейника».

В. АРДОВ

НАЧАЛАСЬ ПЕРЕДВИЖКА ДОМОВ

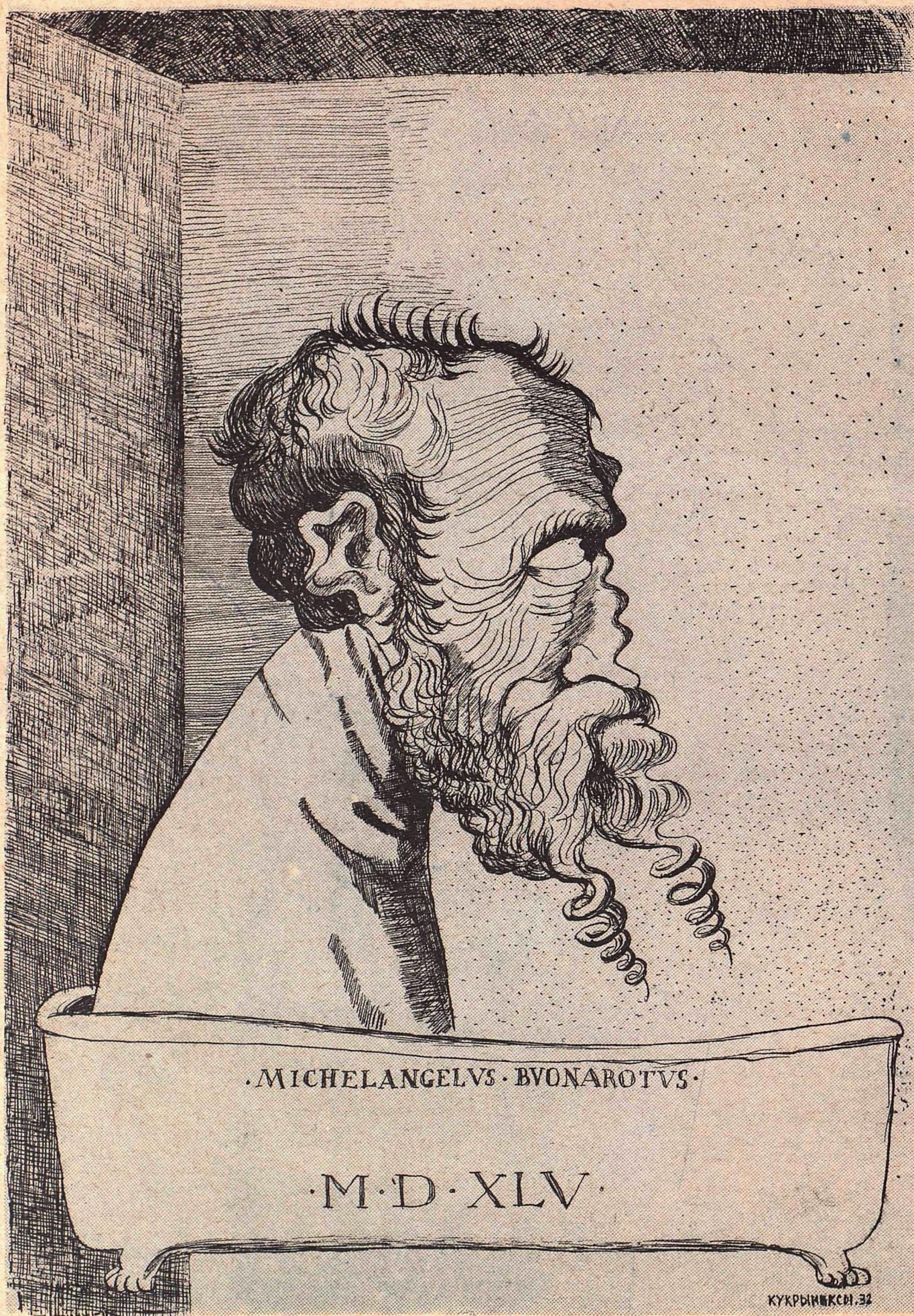
Рис. М. Храпковского

— Граждане, посторонитесь! Дом отходит через десять минут! 9

ИЗ МУЗЕЯ КРОКОДИЛА

Рис. Кукрынико́сы

10 МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ — знаменитый живописец, скульптор, архитектор и поэт. Совмещая все эти четыре затруднительные профессии, не путал их: не рисовал, как поэт, и не писал стихи, как архитектор, чем выгодно отличался от некоторых наших современников. Родился в 1475 г. и был сыном судьи (не футбольного). Нуждаясь в натурщиках, брал из библии, останавливаясь на более хорошо сложенных: Ное, Голиафе и старике Саваофе. Для частных заказчиков рисовал ангелов и лиц других нехороших профессий. По договору с папой римским нарисовал „Страшный суд“, точно предусмотрев топографию ада. Был знатоком анатомии и своевременно умер, оставив для музеев много ценных картин, что сильно отличает его от многих наших современников, которые живут, но впоследствии картин для музеев не оставят.

Рис. М. Храпковского

Есть на свете разные фокусники и жонглеры. Одни вроде Энрико Раствелли, Кефало и Труцци — знамениты на арене цирков. Другие — довольствуются скромными лаврами в обыденной жизни. Виртуозно обменивают маленькие записки на объемистые кули продуктов или так получают деньги из государственной кассы, что «комар носу не подточит». И себе приятно и людям незаметно.

Говорят, что на юге кровь горячее и руки работают «чище» и лучше.

Пожалуй, это не ложь. Взять к примеру Астрахань. Температура — плюс сорок пять. С непривычки дышать, как выкинутая на сушу рыба.

И жонглеров там достаточное количество.

В городе, где чувствуется соленая морская влага и тончайший аромат свежей рыбы, лавры Кефало, Раствелли и Труцци не дают, видимо, кое-кому спать.

Нижеволжское речное пароходство и районный профсоюз водников.

С одной стороны, так сказать, хозяйственники, с другой — профсоюз... Прекрасные партнеры. Руководители этих организаций спаяны... как два стальных кольца. Несравнимый ритм и блестящая пластика.

Первоначальное знакомство их началось за рюмкой водки. Руководство Нижеволжского пароходства вкупе (начальник Меняйлов, парторг Гринев и начальник эксплуатации Лашков) и профсоюзные «владыки». Вкусный опыт повторился.

А затем перешли к более солидным деловым взаимоотношениям. Вернее, фокусам.

Начальник пароходства тов. Меняйлов кричит по телефону:

— Алло! Переседкий?... Отлично! Кидаю в вашу кассу пять тысяч рублей. Какая «отдача» для моих ответственных работников?

— Две! — восклицает, приподнявшись со стула, маг и чародей, председатель профсоюза водников.

— Мало! Раствелли в Чикаго «возвращает» партнеру все мячи... Мы смогли бы удовлетвориться тремя тысячами. Список, кому выдать деньги из наших работников, пришло как принудительный ассортимент... Согласен?

— Есть, товарищ брандмайор, — слышится из трубки. И Переседкий уже «комбинирует» причины выдачи денег из профсоюзной кассы симпатичным хозяйственникам.

Опыт повторяется! Начальнику эксплуатации пароходства Лашкову «хозяева» хотят «подкинуть» малость «на лечение перебоев сердца».

Решение принято. Следует талантливое исполнение. Деньги со специального счета перебрасываются «жонглерами» пароходства в профсоюз. Туда же стремятся с быстротой лани «виновник торжества» Лашков.

Дружеское пожатие... И профсоюзные Кефало открывают кассу... Раз, два, три... И у Лашкова — 800 рублей!

А сколько было еще таких случаев? А какова сумма взаимоотношений — фокусов?

Нам сказать трудно, а этим, пожалуй, должна будет заняться Сталинградская краевая прокуратура, выделившая, кстати, в Астрахань для различных «исследований» старшего помощника крайпрокурора тов. Лифшица!

МИХ. КИСЕЛЕВ

— А ведь это идея!.. Если теперь наловчиться обвешивать с завязанными глазами, — больше доверия будет от покупателей...

ГОТОВИТСЯ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР
КРОКОДИЛА
О СВЯЗИ

ЛИТЕРАТУРОВЕД ИЗ МОРГА

Готов ты или не готов к испытаниям в вуз? А вдруг — нет. Не мешало бы за лето позаниматься, проверить себя и пополнить пробелы знаний.

И тут как раз кстати вам идут на помощь. В трамвае со стены таинственно подмигивает объявление:

СРОЧНО готовлю в вузы и втузы по химии, русскому и обществоведению.
Остоженка, 5, кв. 26.

Кто он, безымянный труженик, не ищущий суетной славы и взявший себе скромный удел: готовить советскую молодежь к предстоящим научным турнирам.

Вот он, неведомый друг. Зовут его Владимир Михайлович. Бодр и энергичен. Обаятельная личность! Заражающий оптимизм!

— Программы? Вы нигде их не купите. Их никто не издает. Но не надо программ, раз вы пришли к Владимиру Михайловичу.

— Я, видите ли, доктор. Работаю в морге. Но, отрываясь от печальных обязанностей, охотно отдаю свой досуг молодежи. Плата? Ну, это пустое. 7 рублей в час. Внесите за 10 уроков вперед, и я вклячу вас в группу. Вас смущает, конечно, русский язык. Ох, эти девятилетки и техникумы, проблемы проклятого воспитания. Садитесь и пишите. Я буду диктовать сочинения, а вы разучивайте их наизусть. Профессура ахнет. Начнем хотя бы с «Войны и мира». Кто написал? Ах, молодежь, молодежь! Лев Толстой написал. Запомните — Лев. Не читали? Ничего, слушайте моих наставлений, натаскаю за месяц, пальчики оближете. Итак, пишите:

«Война и мир» — одно из произведений гигантов мировой литературы... Герой романа — весь русский народ. Главная мысль — религиозно-философская. Учитывая, однако, наличие пролетарской диктатуры в России и общее деление мира на богатых и бедных, является актуальным отклонением от рассмотрения вопросов религиозно-философских, и необходимо центр тяжести современного интереса направить по линии определения тех характерных черт, которые столь резко отделяют аристократию от народного мира... В изображении аристократии автор проявил не только юмор, но и сарказм... Народный же мир, наоборот, изображен с сочувствием и любовью».

Безграмотный халтурщик и наглый приспособленец крепко учитывает, однако, наличие пролетарской диктатуры в России и потому заканчивает свое сочинение так:

«Даровой труд, частная собственность на землю, натуральное хозяйство вместе с самодержавием были источниками жизни дворян, но этот же самый источник служил причиной ослабления и разложения при одновременном росте народного мира, который через падение рабства в 1861 году и Октябрьскую революцию 1917 года (?) положил предел эксплуатации и дал действительный «отдых» мятущимся дворянским душам».

— Точка. Подпишите свою фамилию. Выучите наизусть.

Раздавшись таким манером с Толстым, литературовед из морга принимается на следующем уроке за Тургенева:

«В романе «Отцы и дети» Тургенев изображал картину борьбы между новым и старым,

отживающим поколением. Старым поколением являются помещики Кирсановы, а представителем нового выведен тип Базарова, который в то же время есть представитель того направления, которое называется нигилизмом, заключающемся в отрицании монархии, старого быта, семейной жизни, подчиненного положения женщины, рабства и тому подобного. Вообще надо сказать, что Тургенев обладал большим чутьем к политическим моментам... и это произведение имеет то большое значение, что в нем представлена как бы зарождающаяся борьба классов...»

Точка. Подпишите же, доктор, свою фамилию.

Но доктор не гордый. Он скромно уклоняется от обнародования своего имени как в трамвайных объявлениях, так и в «научных трудах». К чему, однако, скромничать? Разоблачим анонима: это — доктор Афанасьев, халтурмейстер и приспособленец, заманивающий в свое логово доверчивую молодежь.

После операции над трупами, он оперирует над мозгом 30 своих учеников — рабочих Метростроя, Электростроя и других заводов столицы, рабочих, отдающих бодрому врачу последние гроши за крохи отравленных знаний.

Странная история. Допустим, доктор объявил бы в трамвае о новом мозольном пластыре. У него тут же потребовали бы разрешения научного совета Наркомздрава. Но доктор открыл подпольную академию безграмотных экзаминационных фальшивок, и это никого не трогает — ни милицию ни Наркомпрос...

В. ХАНДРОС

Рис. Н. Рогова

— А ты говорил, что на пензенском велосипеде нельзя ездить. Смотри, как приспособился!

РЕКОРД ОБАЛДЕНИЯ

Старик Брэм довольно подробно рассказывал о каких-то южноамериканских зайцах, которые долго обалдевают от сна.

Проснется такой экзотический заяц, посмотрит уныло на окружающую его пышную фауну и обалдеет на полсутки. И в процессе обалдения творит решительно все, что не полагается делать скромному и аккуратному зайцу.

Очевидно по этому способу обалдевания творят свои ежедневные дела какие-то мутные люди из Чувашпромкассы. Выспятся после будничных тревожений, взглянут мутным оком на окружающий скромный фольклор и шлют такую, например, бумажку:

«Всем артелям и промколхозам.

Чувашпромкасса с получением настоящего отношения предлагает взять на учет детей, факти-

чески работающих на производстве на 1/IX—1934 года, и представить по следующей форме:

Детей от 6 месяцев до 3 лет
» от 3 лет до 7 лет
» от 7 лет до 15 лет.

Сведения должны представить в Промкассу не позднее 15/IX—1934 г. Этот учет даст возможность правильного планирования по детобслуживанию на 1935 г.

№ 1864.
23/VIII—1934 года.

Промкасса Степанова».

Сидит вот такая Степанова, а может быть, она вообще Кириллов или Серафима Тупых и совершенно серьезно предлагает на предмет детобслуживания выяснить количество шестимесячных детей, «фактически работающих на производстве».

И даже никто рядом не заметит такому гению учета:

— Мамаша, остановитесь!

Тот же южноамериканский заяц, прообалдев, сколько ему положено от природы, начинает приходить в себя и извиняется перед своей заячьей родней:

— Вы уже меня простите: это у меня нечаянно. А этим хоть бы хны, как это говорится.

Не достает еще только, чтобы через полмесяца та же Чувашпромкасса разослала еще циркулярчик:

Немедленно выяснить для целей мужино-обслуживания, какое количество женатых и вдовых фактически работает на производстве в возрасте

от 2 недель до 7 месяцев и
от 8 месяцев до 1 года.

ГРОМКАЯ МУЗЫКА, ИЛИ БЛИЖЕ К ЦЕЛИ

Вероятно все знают эту игру. За двери высылают «кавалера» или «барышню» или обоих вместе и условливаются: возвратившись в комнату, барышня должна подойти вон к тому кудрявому молодому человеку, достать у него из пиджачного кармана гребешок и причесать вот этого совсем лысого дядю.

Кавалер, наоборот, должен стать на колени перед барышней, объяснить ей в любви и, конечно, поцеловать.

Рояль исполняет тем временем «Гоп, мои гречаньки» или «Нас побить, побить хотели». Если ты на верном пути, музыка играет громче. Ошибся ты, — тише.

Старая игра гимназистов и гимназисток.

— Товарищи, сейчас начинаем! Наш первый номер — игра: «Громкая музыка, или ближе к цели».

Вот этакой игрой угостили вчера отдыхающих в санатории «Красные камни». Чтобы скучно не было. Угостили по инициативе Кисловодского курортного управления, приславшего специального организатора и руководителя этого вечера — «артистку» Покровскую.

Не пощадили никого: и тех, кто играл в шахматы, и тех, кто читал, и тех, кто, сидя на балконе, просто любовался прекрасным закатом солнца. Всех заставили зайти в зал.

— Будьте сознательны, товарищи! Не подрывайте наш общий вечер.

Чтобы не подорвать общий вечер, бросили недоигранной свою партию в шахматы старый «сознательный» клепальщик Аксенов и его партнер — доцент Воронов; крикнув, сложил в кيسет свое собственное, с Урала привезенное домино седой кизильский забойщик Форсунский, мигом захопнул книгу комсомолец Гриша. Народ наш как-никак дисциплинированный.

Так начался вечер. Но сколько времени можно под музыку причесываться или даже целоваться? Перешли к следующим номерам.

Пели хором «Зять на теще капусту возил» и «Смело, товарищи, в ногу» (вечер назывался, согласно афише, вечером «революционных и народных песен»), опять-таки под руководством Покровской играли в «гоп» — тоже «знаменитая» игра: нельзя произносить всего, что делится на «семь» или оканчивается на «семь». Раз, два, три, четыре, пять, шесть, гоп, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, гоп... Наконец после «гопа» «вдарили» самого настоящего «гопака».

«Вдарили», правда, не Воронов, не Аксенов и не Форсунский, а вдарили его им, но — сердечные больные —

на сей раз они все же воздержались... Так кончился организованный самим Курортным управлением литературно-вокально-музыкальный вечер.

Погода — «кисло»-водская, как шутят больные. Дождь, пронизывающий холод. Часы показывают девять, до сна еще долгих два часа... Что дальше?

На весь санаторий, насчитывающий 200 больных, одна игра в шахматы, две игры в шашки, ни одного домино (у Форсунского в кисете собственное домино). Есть еще колода карт для «подкидного дурака», купленная вскладчину по рублю на брата, но в карты, как известно, не совсем принято играть. Да и хватит ли одной колоды на всех?

То, что произошло в «Красных камнях», более или менее типично для других санаториев.

Денег нет? Неправда. Некоторые музыканты, выступающие в парке, получают более тысячи рублей за выступление. Даже специальный организатор «гопов» артистка Покровская — и та обходится Курортному управлению в большие сотни рублей.

Не в деньгах дело. Интересов нет к этой проблеме, — вот в чем суть. Нет

понимания важности вопроса. Нет понимания и сложности вопроса: сумеет ли предоставить разумный отдых человеку, вынужденному после привычного напряженного труда месяц или два пребывать по сути дела в полном безделье, сумеет ли заполнить день таких людей, чтобы еда и лечение шли впровок, чтобы до срока не тянуло в Москву, на Урал, в Кузбасс, в колхоз, — дело не простое.

Но пусть кисловодские профессора не дошли еще до этой науки, не оценили ее огромного медицинского значения. Есть ведь при Курортном управлении специальный «культурный отдел», и есть при санаториях специальные штатные культурники. Чего они медлят? Почему кроме «гопа» с гопаком они ничего не придумают?

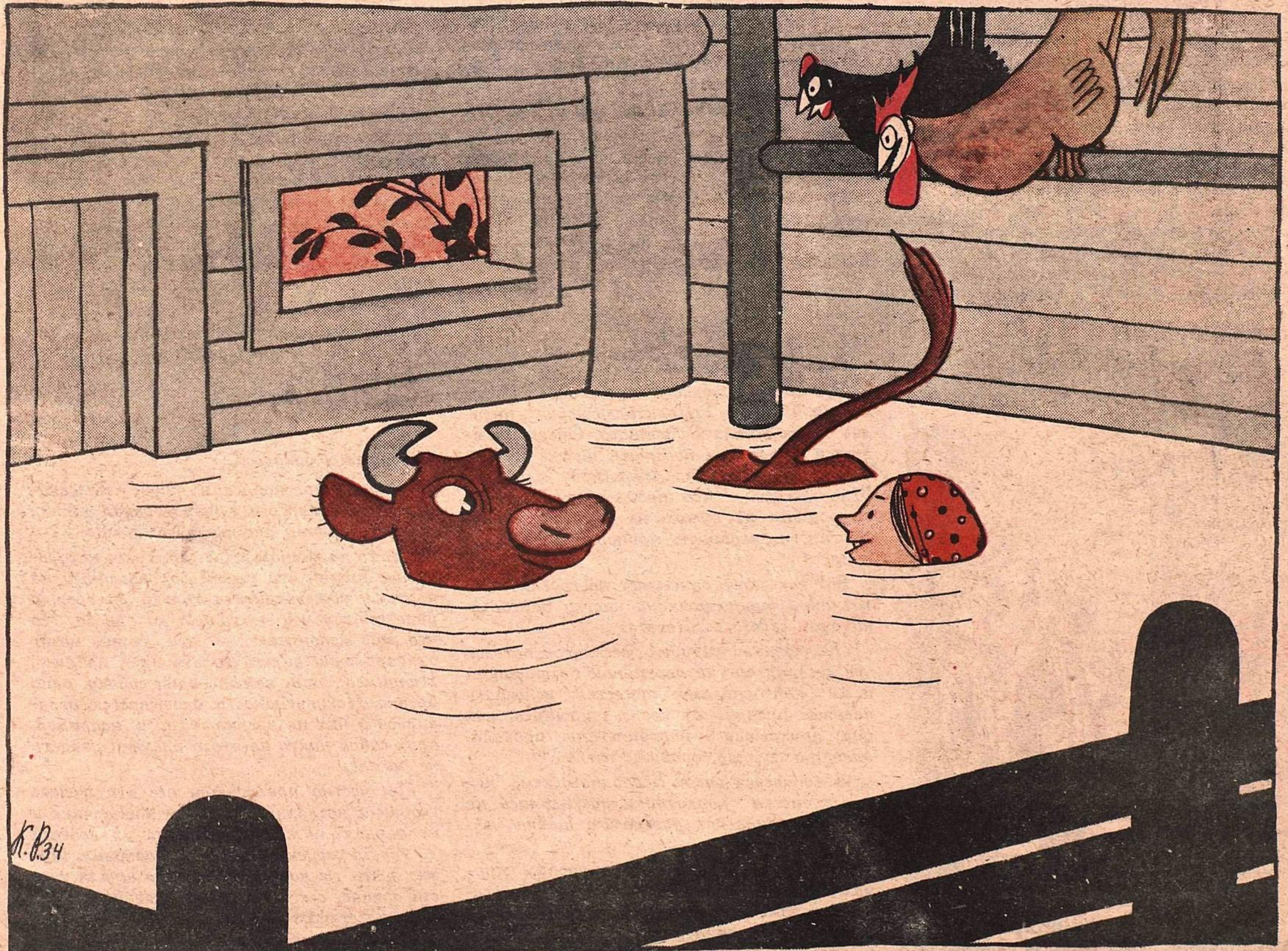
На этот вопрос отвечает штатный культурник санатория «Красные камни», пригласивший артистку Покровскую для организации достопримечательного вечера. Культурник этот по специальности инженер-нефтяник. Он знаток глубокого бурения. Одна беда — сердце у него больное... Вот и устроили его по знакомству культурником...

А нефть качать и культуру насаждать, известно, — не одно и то же.

А. АГРАНОВСКИЙ

Рис. К.Ротова

В совхозе „Караваево“, Костромского района, корова „Грубая“ установила рекорд удоя молока — 45,1 литра в сутки.

— На сегодня хватит, товарищ доярка?..

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я, конечно, не против ховрасчета. И если кому надо свой бюджет иметь, пусть имеет. Только чтобы со смыслом и чтобы другие от этого не страдали. А у нас в Симферополе страдают. В городском саду, например. Пошел туда мой закадычный знакомый, слесарь кожевенного завода «Серп и молот» товарищ М. со своей гражданкой — симпатией Агнией Николаевной. Взяли с них по двугривенному за вход. Итого 40 (сорок) копеек. Гуляют они по главным аллеям, а за все с них деньги берут. Куда ни ткнутся — двугривенный, куда ни оглянутся — тридцать пять копеек наличными, да еще обижаются, что сдачи давать надо. Обтесали их так рубля на четыре, а тут еще они как молодые люди ситро вздумали пить. А товарищу М. после ситро всегда нехорошо делается. Нето от контузии у него это, нето ситро на сырой воде. Вот он и говорит: «Простите, Агния Николаевна, — я на минуточку». Она обижается и язвительно доказывает ему, что заводить девушку в общественный сад и бросать ее одну, как кошку, на главной аллее могут только хулиганы или неврастенники. А он свое твердит: «Извините, я на минуточку». Она ему тут же ставит ультиматум и условие: «Если, дескать, вы не придете через десять минут, я пойму это, как разрыв, и уйду из общественного сада вместе с гр. Никифоровым, которого вы ненавидите как личность и как моего бывшего жениха». Товарищ М. еще больше бледнеет, извиняется и мелким шагом удаляется в боковую аллею. Тут он как культурный человек подходит к общественной уборной, а сторож сразу отрицает его права и говорит: «Платите сначала 20 (двадцать) копеек». Товарищ М. говорит: «Пожалуйста, я могу», — хзатается за карман, а там один гривенник. Сторож настаивает: меньше как за двадцать копеек нельзя, так как уборная не частная, а общественная и на ховрасчете, и вместо того чтобы нарушать коммунальные правила и торговаться, лучше

ЗАБОТЛИВЫЙ УПРАВДОМ

Рис. Б. Малаховского

14 — Надо бы отремонтировать это объявление... Уж больно давно оно висит, запачкалось...

выйти из сада и поискать некоммерческую уборную. Товарищ М. так и делает. Выбегает боком из сада, находит жактовскую уборную, возвращается обратно и думает о своей Агнии Николаевне. А в сад его обратно не пускают. Платите снова двадцать копеек. А у него десять копеек. И занять не у кого. Так он ходит вокруг забора, смотрит в дырки и наблюдает, как Агния Николаевна уже гуляет с гр. Никифоровым и смеется над ним, товарищем М., крупным смехом, а он ничего сделать не может. Так он постоял, постоял и ушел. А на послезавтра от Агнии Николаевны обратно дареную сумочку получил, и больше они не знакомы.

Что же делать, если в Симферополе такой ховрасчет проводится? Жить же ведь тяжело. Так из-за гривенника и лопается по всем швам жизнь честного человека!

И. ВАСИЛЬЕВ.

Симферополь.

Дорогой Крокодил!

Я фельетонов писать не умею, поэтому шлю тебе просто голый факт; пусть его обработает, кто хочет.

К секретарю завкома химзавода им. Баумана (ст. Кусково) пришел комсомолец Филькин, протянул свой комсомольский билет и спросил:

— Где мне стать на комсомольский учет?

Секретарь завкома т. Инаева внимательно осмотрела комсомольский билет и укоризненно сказала:

— Как же это вы до сих пор не в нашем союзе?

После этого она поставила на билете штамп «недействителен» и выдала Филькину вместо него профсоюзную книжку союза химиков.

К этому я добавить ничего не могу. Добавляйте сами, что хотите.

А. ШАЦКИЙ.

Ст. Кусково.

Дорогой Крокодил!

Прочитал я недавно в нашей политотдельской газете «Политотдельская правда» очерк Ивана Безродного. Очерк называется «Враги» и посвящен чистке партии организации Курно-Линовской слободы. Мне кажется, что произведение Ивана Безродного не только не помогает чистке партии, а, наоборот, приносит ей прямой вред.

Вот как автор описывает настроение колхозников, пришедших на чистку парторганизации своего сельсовета:

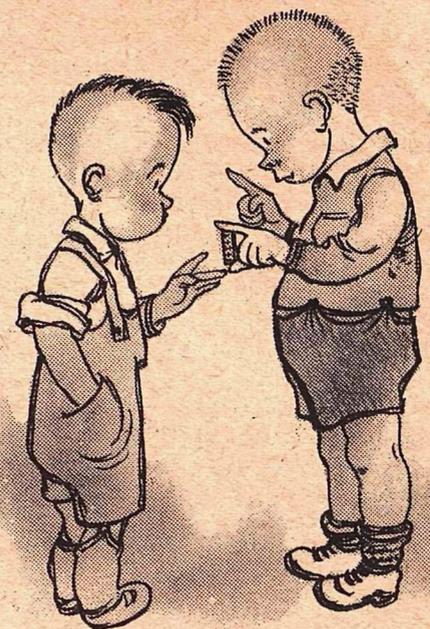
«Колхозники танцуют, веселятся потому, что сегодня чистка партийной организации и им (колхозникам) придется услышать впервые правду от своих партийцев, как они, прикрываясь партбилетами, проваливали планы сева, зробили тягло».

А кончается очерк Безродного тем, как после чистки колхозники расходились из клуба, «довольные разгромом шайки черного воронья».

Я, конечно, не редактор и вообще журналистикой никогда не занимался. Но все-таки я думаю, что называть шайкой воронья парторганизацию, из которой даже исключено несколько человек, все же не годится.

ЭКОНОМНАЯ ИГРУШКА

Рис. М. Храпковского

— Чем это ты играешь?

— А это — кусочек метра. Мой папа — завмаг и его из магазина принес. И тебе, говорит, игрушка и мне не накладно.

На этом же основании нельзя, по-моему, называть всех членов парторганизации партийцами в кавычках, от которых впервые, мол, колхозникам пришлось только на чистке услышать правду.

С большой пользой можно было бы использовать кавычки, назвав автора очерка Ивана Безродного и редактора газеты Ф. Зимина «журналистами в кавычках». А вместо разговоров о «шайке черного воронья» полезней было бы говорить о кучке политически неграмотных и болтливых людей, засевавших в газете «Политотдельская правда».

Не так ли, дорогой Крокодил?

НИКОЛАЙ ОБРАЗЦОВ.

Тарасовский р-н,

Азово-Черноморский край.

Дорогой Крокодил!

У нас в красноярском клубе железнодорожников парторг Грязнов делал доклад и между прочим рассказывал следующее.

Где-то на земном шаре есть такое некультурное племя, что самый образованный из племени может считать только до трех, а рядовой туземцу — только до одного. Но что еще непонятнее, — эти люди могут одновременно видеть только один предмет. Например: один камень, одну собаку, одно бревно. Некультурность, оказывается, отразилась у них на зрении и сразу, например, двух собак никто из этого племени увидеть не может.

Мы честно прослушали все эти ученые теории и наглядные примеры докладчика и не возражали ему, но решили их довести до твоего сведения, дорогой Крокодил. Может быть ты воспользуешься ими для твоего архива, а кстати и тов. Грязнов увидит свои блестящие теории и научные выводы в напечатанном виде.

Н. ОСИПОВИЧ.

Красноярск.

ПОПУТНАЯ ИГРИВОСТЬ

Некоторая игривость стиля в официальных документах, конечно, не мешает, но иногда заставляет заинтересованных лиц встревоженно задуматься.

К разряду таких документов безусловно следует отнести такой, например:

СПРАВКА

Выдана Томазовским сельсоветом Ставицкой Акулине в том, что она

сына выпустила на белый свет согласно акта о рождении

Выписка верна.

Секретарь с/с. В. Лагода.

Придерживаясь такого стиля, популярную грустную песенку — «Зачем я мальчик уродился» — следовало бы слегка переделать:

«Зачем меня, молодого человека, выпустили на белый свет».

РАЗОБЛАЧЕНИЕ КАНТА

Безграмотность, как тяжелый груз, управляемый пьяным шофером: она давит всех, не считаясь ни с местом ни с временем.

Как приятно, например, узнать новые биографические подробности о великих людях, но как жутко, когда их открывает бакинская «Вышка». Вот что она сообщает в номере от 6/VIII 1934 г.:

Гейбельс — один из организаторов поджога рейхстага, инициатор пре-

дания огню трудов К. Маркса, величайших гениев германской науки, философии, культуры — Гёте, Шиллера, Гейне, Канта, Гегеля и многих других вдохновителей еврейских погромов.

Бедные старики Кант и Гете! Они только сейчас узнали, что являются вдохновителями еврейских погромов. А о Шиллере и Гейне и говорить не приходится: кому же приятно быть в такой компании?

СОВСЕМ НАЛЕГКЕ

Мадемуазель Гризельда Харламбиева пела в 1909 г. в городе Ростове на сцене летнего театра такую оптимистическую, но непоследовательную в своих выводах песенку:

*Хоть я не итальянка
И даже не испанка,
Но тем не менее
Пропую вам пение.*

Очевидно в порядке освоения литературного наследия талантливый поэт Б. Корнилов повторил этот мотивчик в своем последнем стихотворении: «Разговор с татарским поэтом».

*Ты не русский, — тем не менее
мы пройдемся налегке,
прочитай мое сочинение
на татарском языке.*

Мы не знаем, как ответил на это невразумительное предложение татарский поэт, но было бы весьма правильно, если бы он отвел Б. Корнилова в сторону и дружески сказал бы ему ласковым шопотом:

*Ты — талантлив. Тем не менее
Строже будь к своей строке:
Не пиши стихотворения
На ростовском языке!*

МАЛЬЧИКИ В НАЛЬЧИКЕ

В городе Нальчике — дети, как дети. Там, повидимому, если местный ребенок и захочет поиграть с какой-нибудь щепкой, ниже телеграфного столба он не спустится.

Иначе чем же объяснить появление в Прохладненском парке такого явления:

ДЕТИ, НЕ РВИТЕ ДЕРЕВЬЕВ!

И действительно, стоит ли нормальному нальчикскому ребенку на виду у няньки и родителей рвать парковые осины и дубы, когда можно потихоньку взять и увести домой водопроводную станцию или товарный вагон.

«СПАСАНИЕ УТОПАЮЩИХ — ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ»

В Ялте, на пляже, висит следующее объявление, которое приводим в орфографии подлинника:

ОБЪЯВЛЕНИЕ КУПАЮЩИМ
1. ДОЛЕКО ЗАПЛЫВАТЬ В МОРЕ ВОСПРЕЩАЕТСЯ.
2. ПОДЧИНЯТЬСЯ МОТРОСУ СПОСАТЕЛЮ ПО ЕГО ТРЕБОВАНИЮ.
3. ВЫЗЫВАТ ПОМОЩЬ КРИКОМ НАПРАСНО. ВИНОВНЫЕ ПОДВЕРГАЮТСЯ ШТРУФУ ОТ 3 ДО 20 Р.
ЯЛТРАЙОСВОД.

Это решение, по которому утопаю-

щему кричать о помощи запрещено категорически, соблюдается точно.

Недавно утонул один из отдыхающих в санатории Цудортранса. Полтора часа утопленник лежал на общем пляже, пока не приехала «скорая помощь» — дроги, запряженные двумя лошадьми, на которых сидела фельдшерница с ящичком.

Эти дроги вызывают всеобщее веселое прохожих: они уныло плетутся по ялтинским улицам, и на них какой-то местный шутник из Райздравотдела прицепил ироническую надпись — «Скорая помощь». Предлагаем Ялтрайосводу заменить указанное выше объявление другим — «спасание утопающих — дело рук самих утопающих».

БУКВЕННЫЙ РАЗГУЛ

Использование всех букв сразу из богатой нашей азбуки иногда доводит до кошмарных случаев.

Так, ростовские хозяйственники издают «Рыбный бюллетень», который является органом

АЗДОНМЕЖРАЙРЫБАККОЛХОЗСОЮЗА

И

АЗЧЕРГОСРЫБТРЕСТА.

В чтении про себя это название займет каких-нибудь полтора-два часа, и это еще не так страшно. Выписка такого учреждения займет один небольшой проспект, и это не так опасно. Но где найдутся такие смельчаки, которые смогут вслух прочесть это название, не боясь ярости собравшей толпы?

УСТУПАЕМ ПРОКУРАТУРЕ

Один французский поэт опрометчиво уверял, что цифры поют. Может и действительно так: кто же за ними усмотрит? Мы лично знаем другую вокальную способность за цифрами — кричать караул.

И в качестве образца таких цифр приводим коротенькую выдержку из ведомости свердловского Облпотребсоюза о жизненном пути вверенных ему съедобных животных и птиц:

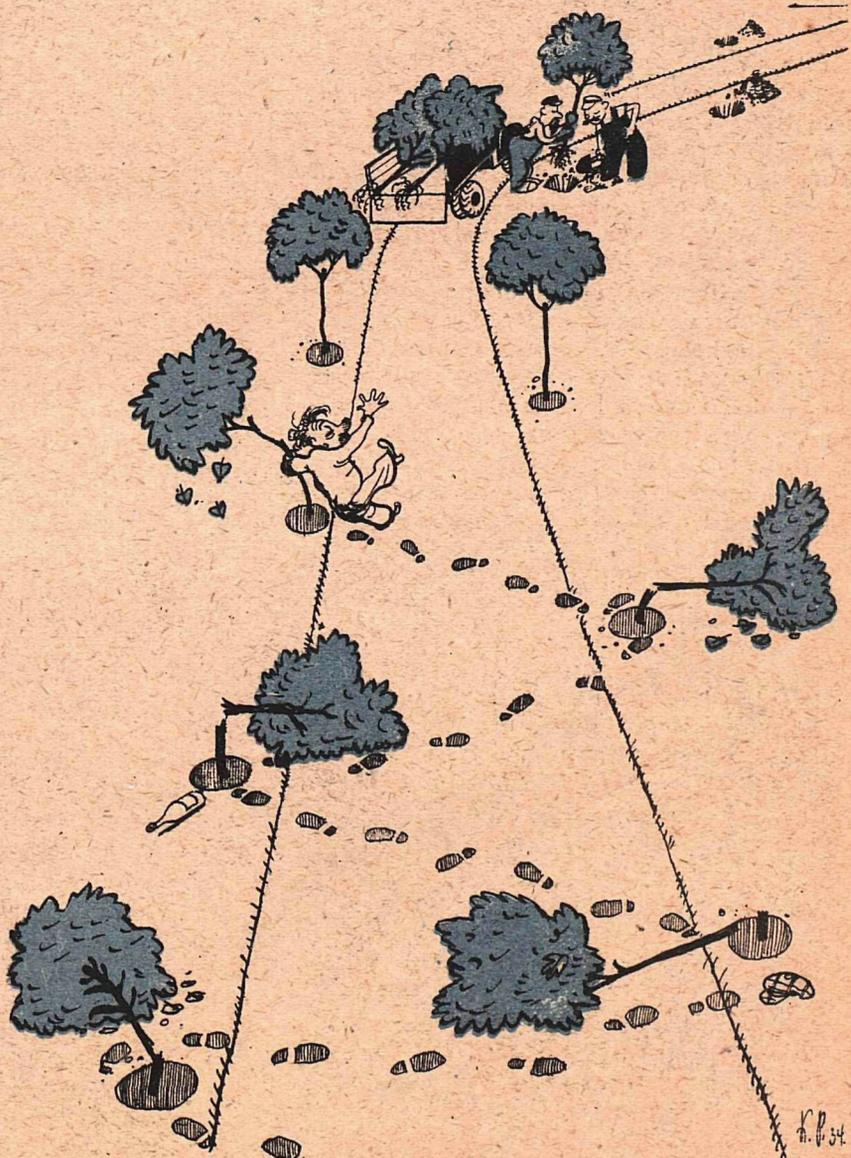
	Было в 1933 г.	в 1934 г.	Падеж и пролажа	Сдано для раб. снабж.
Поросят до 2 мес.	632	1.230	2.707	57
Поросят от 2 мес.	670	1.303	1.038	392
Кроликов	7.763	18.346	13.706	1.523
Нур	4.791	6.887	4.770	265

Мы не спрашиваем о том, что предприняли куры и кролики для того, чтобы ухитриться пасть и проласть в количестве 70%. Повидимому, это не их секрет, а роковая тайна Облпотребсоюза.

Нас интересует другое: как могла прокуратура не использовать такую ведомость для литературно-юридической переработки ее в образцовый обвинительный акт? Такие документы зря пропадать не должны. На улице они не валяются.

КТО КОГО?

Рис. К. Ротова

Волнующая схватка: зеленый змий против зеленых насаждений.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНСБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

Москва. Изд. № 934. Сдача текста и рисунков 3/IX-34 г. Подпись к печати — 13/IX-34 г. Статформат А9—220×333 Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 94812. Филиал тип. газ. «Правда», изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Суцеский вал, 49. Зак. № 686. Тираж 225.000

Оформлено Л. Кублановского. Журнал набран и отпечатан в филиале типографии газ. «Правда». Фотомашинок — П. Мягков. Редакция под руководством Г. Жимеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Заведующий печати. отд. Дрожеников.

МОЖНО И НЕЛЬЗЯ

Рис. М. Черемных

В Испании фашисты уничтожили на выставке картину, изображавшую разгром рабочей демонстрации.

Картина, которую в Испании смотреть не дают.

Картина, которую в Испании можно смотреть каждый день, на каждом шагу.